

STUDIA PHILOGICA

Ф. Б. Успенский

СРЕДНЕНАВЫ-ВАРЯГИ-РУСЬ

Историко-
филологический
оформит

Российская академия наук
Институт славяноведения

Ф. Б. Успенский

СКАНДИНАВЫ·ВАРЯГИ·РУСЬ

Историко-
филологические
очерки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2002

ББК 63.3(2)43

У 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 01-04-16064

Успенский Ф. Б.

У 77

Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки / Рос. академия наук. Ин-т славяноведения. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 456 с. — Вкл. л. — (Studia philologica).

ISBN 5-94457-048-2

Предлагаемая монография посвящена скандинаво-русским взаимосвязям. Значение этих контактов для культуры средневековой Руси служит предметом неутихающих споров уже более двух столетий. Собранные в работе очерки представляют собой опыт историко-филологического подхода к данной проблеме. Отношения русских и скандинавов обсуждаются здесь на нескольких уровнях. Исследуются лингвистические данные, касающиеся представлений средневековых скандинавов о русских и Руси, анализируются общие черты культа святых у этих народов. Рассматривается также обмен родовыми и династическими именами, заимствование и усвоение отдельных имен и целых принципов именованья человека. Эти, на первый взгляд, далекие друг от друга темы формируют единое поле разнохарактерных скандинаво-русских взаимоотношений X–XII вв.

ББК 63.3(2)43

В оформлении переплета использован фрагмент изображения св. Олава из церкви св. Николая, Штральзунд (Stralsund), Германия, 1410–1420 гг.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-048-2

9 785944 570482 >

© Ф. Б. Успенский, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	9
Введение	11
Часть I 19	
Династическое имя: родовые традиции и международные связи	21
У истоков русского отчества	65
Варяжское имя в русском языковом обиходе: к этимологии слова «олух»	111
Часть II 139	
Крещение костей князей Олега и Ярополка: к интерпретации летописной статьи 1044 г.	141
Нетленность как признак святости: к истории культа мощей на Руси и в Скандинавии	169
Свидетельства саг о нетленности первого скандинавского святого: формирование агиографического концепта	169
Оппозиция «тленного» и «нетленного» в христианской традиции	175
Две полярные тенденции в православном мире	189
Англосаксонский культ реликвий как образец для почитания мощей в Скандинавии	200
Отражение архаических воззрений на нетленность в народной культуре и обиходной практике	209
«Святость» и «целостность» в скандинавской культурно-лингвистической перспективе	218

Экскурс № 1. Правовой аспект обретения мощей Олава Святого	245
Часть III	
Византия и Русь в древнескандинавской перспективе (на материале языковых данных)	267
Краткий обзор содержания	267
Предварительные замечания	272
На подступах к теме: сближение Греции и Руси в литературной традиции	286
Древнескандинавская топонимия Восточной Европы: проблема наименования Руси и некоторых городов, лежащих на «пути из варяг в греки»	289
Girkkja vörðr ok Garða («страж Греции и Гардов»): опыт комментария	296
Отэтнонимический термин gerzkr/girzkr: этимология и проблема его вариативности в письменной традиции	299
Gerzkr и girzkr в дописьменную эпоху: общие соображения	302
Gerzkr/girzkr в качестве прозвищ	303
Олав Трюгвасон как купец восточного направления: попытка анализа одного сюжета	309
Gerzkr/girzkr в качестве этнической характеристики	317
Gerzkr/girzkr в качестве конфессиональной характеристики: к вопросу об армянах в Исландии в XI в.	326
Илья Русский vs. Греческий: об одном периферийном персонаже в «Саге о Тидреке Бернском»	337
Греческая или русская шапка?	340
Общие замечания (вместо заключения)	346
Экскурс № 1. Асгард, Мидгард и Утгард в контексте древнескандинавской топонимии Восточной Европы	373

Экскурс № 2. К анализу древнескандинавских представлений о крещении Руси — конунг Олав Трюггвасон как «апостол норманнов» в саге монаха Одда	391
<i>Список условных сокращений</i>	401
<i>Литература</i>	415

От автора

Автор хотел бы принести свою благодарность всем, с кем ему приходилось советоваться, спорить и обсуждать различные главы этой книги: Б. А. Успенскому, О. А. Смирницкой, А. В. Циммерлингу, Е. А. Мельниковой, Г. В. Глазыриной, А. А. Гиппиусу, Т. Н. Джек-сон, А. Ф. Журавлеву, В. Н. Топорову, А. В. Бусыгину, В. В. Рыбакову, В. А. Успенскому. Особая признательность за помощь в работе — А. Ф. Литвиной.

На заключительном этапе подготовки этой книги очень полезной оказалась одномесячная стипендия Шведского Института (Svenska Institutet), которая дала возможность работать в библиотеках, университете и научных институтах г. Упсала (Швеция). С благодарностью автор вспоминает помощь и поддержку профессора Сванте Страндберга (Seminarieriet för nordisk namnforskning, SOFI, Uppsala Universitet) и Яйра Шапира (Institutionen för nordiska språk, Uppsala Universitet).

Введение

Скандинаво-русские контакты X—XII вв. едва ли можно назвать малоисследованной темой. Вне всякого сомнения, эти контакты в немалой степени сформировали облик Восточной и Северной Европы в рассматриваемую эпоху. При этом, как кажется, одинаково трудно представить себе Русь без скандинавского присутствия и определить, в чем именно это присутствие на Русь повлияло.

Нет нужды лишний раз напоминать о том, что норманнский вопрос — это один из самых животрепещущих вопросов русского историописания. Какова роль варягов в создании русской государственности? Что они сделали для русской культуры? Насколько тесна была связь пришлых скандинавских правителей с местным, автохтонным населением? Все эти темы вызывают неутихающие споры по крайней мере последние 250 лет. Проблемы, связанные со скандинавским влиянием на Русь, становятся особенно актуальными в послепетровский период, поскольку именно в это время, как известно, усваиваются западные концепции национального самосознания. Именно в это время — в общем контексте восприятия западной культуры — приобретает особенную значимость идея национального достоинства, национального престижа.

Таким образом, сам факт вхождения России в западноевропейскую культуру играл положительную и отрицательную роль в интересующем нас аспекте. С одной стороны, он способствовал кристаллизации данной проблемы, сделав ее потенциальным объектом научного исследования. С другой же стороны, он несомненно препятствовал ее научному освещению, поскольку любое решение этой проблемы оказывалось

тесно связанным с внеучными построениями идеологического характера. Иными словами, едва попав в центр внимания исследователей, «норманнский вопрос», по существу, сразу же оказался во внеучном контексте.

В последние годы ситуация, казалось бы, кардинально изменилась. Исчезло явное деление исследователей на норманистов и антинорманистов. Своего рода научный этикет, или негласный «академический такт», как правило, не позволяет ученому напрямую и буквально декларировать свою принадлежность к тому или иному лагерю. Как кажется, в историографии прошло время «грубых мазков», а настала эпоха полутонов, плавных переходов и тщательной отделки деталей. Однако любое научное исследование, так или иначе касающееся русско-варяжских контактов, как правило, выражает определенную тенденцию, дающую возможность безошибочно уловить — к норманистам или антинорманистам тяготеет его автор. Идет обмен сокрушительными фактами и взаимоисключающими интерпретациями, своего рода стремительный поединок, ход которого заметен лишь посвященному глазу.

Что же было сделано в науке за последние 250 лет по норманнскому вопросу? Конечно, мы не будем и пытаться охватить целое русло научных исследований, сформировавшееся вокруг русско-варяжской проблематики за эти годы. Мы бы остановились лишь на некотором практическом «сухом остатке», с которым исследователю приходится работать сейчас.

Здесь есть некоторая иллюзия исчерпанности письменных исторических свидетельств — исчерпанности особенно ощутимой на фоне все прибывающих археологических данных, свидетельств материальной культуры. На сегодняшний день мы располагаем, как кажется, достаточно полными сводами единичных данных, целыми кодексами цитат и отрывков, где каждое (прямое или косвенное) упоминание о Руси и варягах само находит себе нужное место, заранее определенное составителем. Конечно, трудно утверждать, что не

осталось ни одного обособленного свидетельства, не вошедшего в эти своды. Их поиск явно будет продолжаться, но, по-видимому, особенно обильного урожая ожидать здесь не приходится.

Парадоксальным образом, вопреки несомненному количественному росту исторического знания, занимаясь варяжско-русской проблематикой, мы находимся в некоторой «точке замерзания» в том, что касается понимания и осмысления общей картины этих отношений.

Быть может, такое положение вещей связано с тем, что хотя норманнский вопрос постоянно был интересен всем (от ученых до политических деятелей), в последнее время он стал исключительной прерогативой историка. Историки же, обращаясь к этой теме, как бы напрочь забывают об опыте реконструкции представлений, накопленном исторической наукой в XX в. Они рассматривают фрагменты, извлеченные из источников как голые исторические факты, соответствующие или не соответствующие их собственным представлениям об истинной исторической действительности. Как правило, историка заботит, «соврал» ли автор источника или «сказал правду», он спорит с ним как с коллегой, подозреваемым в недобросовестности, и гораздо меньше заинтересован в том, чем собственно правда хрониста XIII в. отличается от правды историка XX в.

Возможно, здесь пригодился бы подход филологов, у которых при исследовании раннего скандинаво-русского материала поневоле выработался навык работы в условиях крайнего дефицита данных. Хорошо известно, что при всем внимании исследователей к скандинаво-русским заимствованиям, список этих заимствований сравнительно невелик. Можно упомянуть и достаточно дистанцированное отношение средневековых скандинавских авторов к русской проблематике, а русских книжников — к скандинавской. Порой, таким образом, филологу оказывается трудно уловить взаимодействие двух языковых культур и на уровне текста и на уровне слова.

При дефиците лингвистических данных естественным образом возрастает роль интерпретации, основывающейся на реконструкции, и вырабатывается достаточно изощренная система критериев, позволяющая оценить корректность, правдоподобность интерпретации. С другой стороны, имея дело с письменным источником как с единственной реальностью, филолог вынужден постоянно помнить о том, что, хотя историческая действительность и существует и те или иные факты и события некогда имели место, никакого непосредственного доступа к ним нет и быть не может. Он, так или иначе, работает исключительно с представлениями скальда, составителя саги, летописца, анналиста, хронографа или, наконец, с общепринятым в определенную эпоху представлением о фактах и событиях. По интересующей же нас проблеме мы имеем, как уже говорилось, лишь набор фактов, которые переключаются и сортируются всякий раз заново. Между тем реконструкция образа Руси в глазах древних скандинавов могла бы служить, на наш взгляд, интересным опытом комментария к норманнскому вопросу.

В нашем исследовании мы стремились двигаться от текста к представлениям его автора и аудитории, а от этих представлений — к историческим событиям. Более всего интересующая нас эпоха особенно тесных скандинаво-русских контактов (X—XII в.) отчасти совпадает с эпохой христианизации этих стран. Подобное совпадение, разумеется, не могло не наложить существенный отпечаток на характер этих контактов. Культ рода, традиционный уклад жизни практически одновременно столкнулся у этих народов с новыми христианскими ценностями. Многие культурные процессы, таким образом, протекали на Руси и в Скандинавии синхронно. При столкновении старой и новой культурной традиции оказывались затронуты, с одной стороны, самые бытовые, обиходные аспекты жизни, а с другой стороны — наиболее сущностные и экзистенциальные.

Связь живущих с умершими, потомков с предками, выбор имени для новорожденного, соотношение телесного и духов-

ного начал и отношение к останкам умерших — все это не просто претерпевало определенные изменения с принятием христианства: происходило весьма сложное взаимодействие местных обычаев и тех разнообразных подходов, которые к этому времени сформировались внутри самого христианства. Кроме того, одновременно проходя этот едва ли не самый значимый этап исторического развития, скандинавы и русские, несомненно, каким-то образом влияли друг на друга. Династические союзы и повседневные контакты, культ общих святых играли заметную роль в этом взаимодействии.

Непосредственно от эпохи двоеверия на Руси и в Скандинавии сохранился довольно ограниченный круг текстов, однако в том, что касается, например, личных имен варягов и русских, мы располагаем довольно обширным материалом, дающим основание для некоторых последовательных реконструкций контактов. Личные имена X—XI вв. сохраняются с достаточно высокой степенью достоверности как в источниках того времени, так и в более поздних текстах. В нашем распоряжении оказываются, таким образом, несколько срезов сложной системы заимствований имен у варягов и русских, системы, в которой, быть может, лучше и нагляднее всего отражаются международные связи того времени.

Сходными путями происходит и становление в этих странах понятия святости и культа святых. Так, особенности почитания нетленных мощей, объединяющие, по всей видимости, русских и скандинавов, нуждаются в постепенном выявлении — культ нетленности принадлежит к числу культурных феноменов, воспринимаемых их носителями как нечто самоочевидное, не нуждающееся в обосновании и комментарии. Трудности такого рода возникают постоянно при анализе варяго-русских контактов, потому что мы, как правило, имеем дело с материалом, предельно ассимилированным в культурной традиции. Это означает, что отдельные элементы или целостные модели, которые свидетельствуют о культурных и языковых контактах, настолько глубоко вошли со временем